

Проблема националистического дискурса в современной социологической науке

А.В. Ломагина

Понятие «дискурс» является заметным новшеством в современной теории национализма. Дискурсивный подход как метод социального исследования продолжает набирать влияние в отечественной и зарубежной науке. Статья посвящена исследованию национализма как специфического общественного дискурса и способа познания и интерпретации социальной реальности.

На протяжении последних десятилетий изучение национализма превратилось в одно из наиболее масштабных направлений развития социальных наук. Фактически все подсистемы гуманитарного знания вносят вклад в исследование данного феномена – от социологии, политологии и социальной психологии до истории, этнологии и философии. Важнейшим новшеством в теории национализма стало появление понятия «националистический дискурс». Его возникновение стало результатом как методологических достижений социологии, так и предшествующих историко-философских исследований национализма. Термин «дискурс», введенный еще в 60-х гг. XX в., остается не вполне осмысленным в современной науке в силу его многозначности. В классической философии он употреблялся для раскрытия процесса мышления, выраженного в понятиях и суждениях.

Дискурсивное мышление противопоставлялось интуитивному, охватывающему целое без последовательного развертывания мысли. Античный философ-идеалист Плотин разделял всеобщий, целостный, индивидуальный ум и дискурсив-

ный ум, охватывающий всю совокупность отдельных смыслов¹. Фома Аквинский противопоставлял дискурсивное знание интуитивному, определяя дискурсивное мышление как движение интеллекта от одного объекта к другому². Подъем науки в XVII–XVIII вв. обусловил разнообразие трактовок интуитивного и дискурсивного. Декарт, Спиноза и Лейбниц объясняли необходимость познания наличием интеллектуальной интуиции, придающей дискурсивному мышлению последовательность и доказательность³. Гоббс определял понимание как последовательность представления одного за другим, которое он называл «речью в уме»; он связывал дискурсивность мышления со способностью слов языка быть знаками общих понятий⁴.

Немецкая философия Просвещения предложила две линии трактовки дискурсивного мышления. Одна из них (Х. Вольф, М. Мендельсон) возводила дискурсивное мышление в абсолют, а другая (Ф.Т. Якоби, И.Г. Гаман) противопоставляла дискурсивному знанию чувство, веру, интуицию⁵. Кант в «Критике чистого разума» противопоставлял дискурсивной ясности понятий интуитивную ясность, достигаемую путем созерцания. Дискурсив-

Ломагина Анна Валерьевна – соискатель кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: anna_lomagina@mail.ru

ным мышлением он называл рассудочное познание посредством понятий⁶. Гегель противопоставлял дискурсивное мышление, которое он оценивал как формальное и рассудочное, спекулятивному мышлению, постигающему абстрактные определения в конкретно жизненном понятии⁷. Данное противопоставление двух видов познания сохранялось и в XX в.

Сложность интерпретации дискурса в XX столетии выражалась в том, что под ним одновременно понимались как языково-речевая конструкция (речь или текст), так и последовательность коммуникативных актов (диалог, разговор, письменные тексты, содержащие обоюдные ссылки и т.д.). Дискурс трактовался как языковая деятельность, соответствующая определенной среде и обладающая специфической лексикой⁸.

В 1960–1970-х гг. дискурс понимался в основном как внутренне связанная последовательность предложений или речевых актов⁹. Но уже во второй половине 1980-х гг. таковым стали называть сложное коммуникативное явление, включающее, наряду с текстом, также и экстралингвистические факторы – понятия о мире, суждения, предпосылки, задачи адресата и т.д.

В предельно широком смысле дискурс означает речь или процесс языковой деятельности¹⁰. В узком же, интересующем нас социогуманитарном значении, дискурс – это социально обусловленная организация речевой системы. Иными словами, это совокупность принципов, согласно которым реальность поддается классификации и репрезентации (представлению) в определенный момент времени¹¹. Это специализированное значение термина «дискурс» впервые ввел французский лингвист Э. Бенвенист, разделив понятия «discours» (речь, привязанная к говорящему) и «récit» (речь, не привязанная к говорящему)¹². Данный термин нередко употребляется в социолингвистике, дискурсивной психологии, а также в различных вариантах теорий дискурса.

В современной социологии дискурс – это сложившийся и закрепленный в языке способ упорядочения действительности; это модель видения мира, не только выражаемая в вербальных практиках и таким образом отражающая мир, но проектирующая и творящая его. Понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретации окружающего мира и вытекающие из этого видения действия людей и институциональные формы организации общества.

Французский исследователь Мишель Фуко сформировал новую традицию интерпретации дискурса: он предложил поместить в контекст рассмотрения дискурса идеологию и властные отношения. В этих социально значимых сферах дискурс обретает и собственное значение, порождая конкретные социальные последствия для тех или иных общественных групп¹³. В своем труде «Археологии знания» Фуко отмечал: «Задача состоит не в том – уже не в том – чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих

элементов, которые отсылают к содержаниям или представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят»¹⁴.

Традиция, заложенная Фуко, обусловила развитие социально-конструктивистского подхода к анализу дискурса. Представители данного подхода (такие, как М. Йоргенсен и Л.Дж. Филлипс) обозначают под дискурсом «общую идею о том, что язык структурирован в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни. Известные примеры – „медицинский дискурс“ или „политический дискурс“»¹⁵. Вывод Фуко предопределили не только методологические изыскания французских социологов, но и предшествующие теоретические исследования проблем нации и национализма. Фактически Фуко ввел понятие и предложил методологию, позволившие соединить и систематизировать наблюдения таких выдающихся исследователей национализма, как К. Дойч, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, М. Грох, Ю. Хлебовчик и др.

В данной работе национализм рассматривается как особый социальный дискурс, иначе говоря, как специфический способ познания и интерпретации социальной действительности. Национализм сделался предметом теоретического интереса относительно недавно – в 20-х гг. XX в. Первопроходцами в этой сфере были американские историки Х. Кон и К. Хайес. Под влиянием этих ученых в 1930–1940-х гг. сформировалось отдельное исследовательское направление – «историческое национализмовеждение», сохранявшее приоритет до 1960-х гг. Среди европейских историков, занимавшихся изучением национализма, стоит выделить Т. Шидера, О. Лемберга и М. Гроха.

В методологическом плане работы классиков исторического национализмовеждения были довольно эклектичными. Эклектизм проявлялся уже в предлагаемых ими типологиях национализма. К. Хайес, в частности, говорил о «дуальной природе» данного явления: он разделял национализм как «исторический процесс» или как «факт» и национализм как «веру». Национализм как «факт», в понимании Хайеса, непрерывно обнаруживал себя на протяжении двух последних веков. Хайес интуитивно ощущал и описывал существование некоего «поля» национализма в современном ему обществе. Фактически ученый использовал дискурсивную логику в понимании национализма еще задолго до ее предметного «осознания» и институционализации в науке.

Исторический национализм довольно рано обнаружил свою методологическую недостаточность. В исследованиях национализма историки неизменно опирались на методы, разработанные в социальной науке. Чаще всего это был позитивистский метод. Именно поэтому большая часть исторических трудов о национализме, написанная до 1980-х гг., исходила из презумпции национализма как некой самостоятельной реальности или «идеи». И Кон, и Хайес полагали, что национализм может

быть описан как некоторая «вещь», как сущность, имеющая те или иные социальные проявления.

В 1950-х гг. монополия историков на изучение национализма была нарушена социологом К. Дойчем. В отличие от теоретиков исторического национализмоведения, Дойч поместил исследование национализма в более строгие теоретические рамки. Ученый определял народ как «группу людей, связанных сходными привычками и средствами коммуникации»¹⁶. Развитие каналов коммуникации сделало возможным накопление информации о прошлом, а также распространение, комбинирование и перекомбинирование информации о настоящем. С разделением труда усилилась социальная мобилизация населения, в результате чего на фоне поступательного развития коммуникационных каналов возник особый тип социальной связи – нация. Таким образом, строительство нации, по Дойчу, является постепенным включением социальных групп в единое социокультурное пространство.

Это означает, что в рамках системы социальной коммуникации рождается специфический культурный контекст, понятный «своим» и непонятный «чужим». Дойч утверждал, что новые средства социальной коммуникации делают этот контекст более «плотным» и насыщенным, что лишает человека извне способности улавливать все нюансы и значения, заключенные в тексте, даже произносимом на родном для него языке. Фактически Дойч говорит о появлении некоего символического универсума, естественного для представителей той или иной нации. Дальнейшего систематического развития данная идея Дойча не получила, однако можно утверждать, что Дойч как социолог предложил принципиально новый взгляд на проблему нации и использовал элементы дискурсивного анализа в своем исследовании, пусть и не оперируя при этом термином «дискурс».

С конца 70-х гг. XX в. формируются три основных направления в исследовании национализма: модернистское, конструктивистское и постмодернистское. Модернизм как направление научной мысли связан с процессом формирования капитализма. Он является не только первоначальным проявлением мысли о нации и национализме, но и наиболее распространенным. Согласно модернистской парадигме, изначально национализм служил некой объединительной силой в границах отдельной культуры. Модернистские теории основывались на признании нации как социальной реальности, исторически сформировавшейся в границах этнической территории, особой культуры и сферы действия национального языка. Модернистскими со второй половины XX в. стали называть теории, построенные на принципах историзма и объективности, признающие нации как культурно-психологические общности.

Современные исследователи нации часто апеллируют к трудам классика модернизма М. Вебера, который писал о воображении нации на основе особого чувства, возникающего на базе национальной культуры, языка и соответствующего

«общностного действования», т.е. поведения, основанного на эмоционально переживаемом чувстве общности¹⁷. Модернизм Вебера – это прежде всего:

- историцизм и исторический подход;
- особое выделение национальных чувств, эмоционально переживаемых в процессе «совместного действования»;
- естественность, независимость и объективность процесса «нациеформирования».

Важную роль в становлении модернистской парадигмы сыграли работы классика социологии Э. Дюркгейма. Идея нации как особой моральной общности с ее коллективными представлениями и сознанием занимала важное место в его работах («О разделении общественного труда», «Элементарные формы религиозной жизни»). Дюркгейм полагал, что коллективные представления и сознание обладают важнейшей мобилизационной функцией самосохранения, саморазвития и самоорганизации общности. Как и религия, национальная общность ощущает потребность периодически утверждать и возобновлять собственное существование через коллективные ритуалы и церемонии.

Среди современных исследователей к продолжателям традиций модернизма можно отнести Э. Смита. Ученый говорит об объективности и непреднамеренности процесса формирования наций. Его теория носит выраженный исторический и этноцентрический характер. Согласно Смиту, основа возникновения современных наций – чувство культурной близости¹⁸. Идея нации переживается членами общности как живое, реальное и конкретное чувство, в котором они могут обрести гарантию собственной идентичности.

В 80-х гг. XX в. формируется конструктивистский подход к изучению национализма. Его родоначальником выступил английский социолог Э. Геллнер, издавший в 1983 г. книгу «Нации и национализм». Нация, по мнению Геллнера, – это прежде всего продукт человеческих убеждений¹⁹. Два человека принадлежат к одной нации лишь в том случае, если они признают принадлежность друг друга к этой нации. В определении «нации» Геллнер обходится без понятия «общность» – вместо этого он предлагает другое понимание, связанное с эмоциональными понятиями: сопричастности и солидарности, общего наследия, свободного выбора и разделяемого противопоставления. Современный национализм, по Геллнеру, возник с началом индустриализации, которая изменила общество – его структуру, способы и направления социальной мобильности.

Геллнер полагает, что в основе современного национализма лежит проблема языка. Суть ее – в огромной роли информации, символов, семиотического ряда современной культуры в жизни человека. Национализм – следствие новой формы социальной организации, опирающейся на обобщественные, постоянно воспроизводящиеся высокие культуры. Культурная норма, в свою очередь, включает в себя определенные ожидания, требования и предписания, накладывающие соответствующие обязательства на своих членов. В

концепции Геллнера власть формирует национальные интересы, пользуясь при этом определенными этническими, лингвистическими, культурными и геополитическими предпосылками. Особая роль в деле «нациестроительства» принадлежит исторической науке, которая создает легенду о происхождении нации, используя различные этнические символы и мифы. Геллнер, как и Дойч, интуитивно обнаруживает некое дискурсивное поле, особый культурно-символический контекст, обуславливающий формирование и развитие нации. При этом ученый, как и его предшественник Дойч, все еще не использует термин «дискурс», хотя в его исследовании и присутствует дискурсивная логика.

К классике конструктивизма относятся также работы социолога Б. Андерсона. Нации, по определению ученого, являются «воображаемыми общностями» (imagined communities), конструктами, созданными интеллектуальными усилиями людей²⁰. Андерсон расценивает нацию и как воображаемый коллектив, и как воображаемый конструкт. Члены национальной общности в его представлении взаимодействуют не напрямую, не в личном порядке, а анонимно, с помощью неких символических связей, и по этой причине они не расценивают себя как однородную общность с повторяющимися чертами характера и общей судьбой. Общность эта сугубо историческая: она обусловлена уровнем развития предпринимательства, прежде всего – «печатного капитализма» – массовой печати, книжного производства, системы образования. Через печатное слово идея нации формируется и передается последующим поколениям. Нация здесь выступает как воображаемая общность, которая с течением времени превращается в реальную, становится социальным фактом в той степени, в какой народные массы верят в эту идею и в то, что нация реально существует. Нация у Андерсона не постепенно формирующаяся концепция, а идея, цель, образ, к которому интуитивно стремятся члены любого общества. Национализм, таким образом, становится двигателем конструирования нации.

В последние десятилетия XX в. начали набирать силу постмодернистские подходы к изучению национализма. Они представлены, в частности, американским социологом Л. Гринфелд. «Национализм, – пишет автор, это особый вид, или стиль, мышления»²¹. Подобный стиль мышления, по мнению Гринфелд, и дает рождение национальной идентичности. Согласно автору, нация – это идея, которая зародилась в Англии в XVI в., затем распространилась по миру и по-разному преобразилась в различных сообществах.

Как ни парадоксально, к постмодернистскому направлению во многом тяготеет и неомарксист Э. Хобсбаум. В его представлении, нацию создает прошлое: именно прошлое нации оправдывает ее и делает реальной в глазах других, а историки являются теми, кто «производит» это прошлое. Хобсбаум определяет историю как ретроспективную мифологию – именно она, и только она, определяет национализм, поскольку иных критериев не существует. Единственный стандартный критерий

определения нации, по Хобсбауму, – этноязыковой, поскольку именно язык, как правило, воспринимается в качестве средства выражения этнической принадлежности²².

Первой попыткой теоретического осмысления национализма как особого социального дискурса явилась статья Т. Бреннана «Национальная жажда формы» (1990), в которой автор опирается на методологические находки М. Фуко. В статье отмечалось, что ««нация» представляет собой именно то, что Фуко называл «дискурсивной формацией» – не просто аллегория или художественный образ, а порождающую политическую структуру»²³. Однако само значение понятия «дискурсивная формация» и его содержание автором не были подробно рассмотрены.

В 1993 г. была опубликована статья К. Калхуна «Национализм и этничность». В ней автор отказался от выявления сходств в содержании различных национализмов и обратил внимание на саму форму их проявления. Калхун указал, что во всех случаях национализмы объединяются общим «дискурсом» или «дискурсивной формацией»²⁴. Таким образом, автор впервые вводит новый и принципиально важный концептуальный инструментарий в исследование национализма – дискурсивный анализ.

Свое исследование Калхун начинает с постановки общего вопроса о том, что такое национализм. Национализм, по мнению автора, – это все, что относится к нации, все национальное сознание, которое принимает различные формы и выражения. Различное понимание национализма, по Калхуну, является следствием различной риторики, образа речи, особого языка. Национализм у Калхуна является «дискурсивной формацией», способом осмысления социальной солидарности, коллективной идентичности и связанных с ними вопросов и играет решающую роль как в производстве националистического самопонимания, так и в признании националистических притязаний другими²⁵. Таким образом, национализм, по Калхуну, является способом конструирования коллективных идентичностей.

Современный дискурс национальной идентичности, по Калхуну, невозможно представить без идеи индивида. Нации у автора конструируются как «сверхиндивиды», с одной стороны, и как категории эквивалентных индивидов – с другой. Между индивидами и нациями устанавливаются прямые и непосредственные отношения. Национальная идентичность обретает особый приоритет при конструировании личной идентичности. Обращение к крупным категориальным идентичностям позволяет дискурсу национализма определять место людей в международном порядке.

Калхун убежден, что национализм – это важный источник значения, вдохновения и взаимных обязательств среди больших групп людей: «Если бы он был просто иллюзией и манипуляцией, он не обладал бы таким влиянием, которое у него есть сегодня»²⁶. Национализм во многом является отражением того влияния, которое государство оказывает на своих граждан. Дискурс национализма,

наоборот, может использоваться как попытка совладать с этим влиянием: он помогает ответить на вопрос о том, кто наделен правом участия в жизни государства.

Калхун приходит к важному заключению: статус нации невозможно определить только на социально-структурных или культурных основаниях. Эти основания существуют не сами по себе, а лишь в контексте национализма. Нация, по Калхуну, это особый вид осмысления того, что означает быть народом и как народ может входить в более широкую мировую систему.

Националистический образ мысли и речи помогают созданию нации. Нет никакого объективного критерия для определения нации; не существует и особых признаков нации, равно как и процессов, способных подтвердить или опровергнуть их существование. «Национализм слишком многообразен, – заключает Калхун, – чтобы его можно было объяснить одной общей теорией... В более общем, теоретическом выражении можно рассмотреть факторы, которые ведут к непрерывному производству и воспроизводству национализма как главной дискурсивной формации в современном мире»²⁷. Подводя итог своему исследованию, Калхун повторяет: «Национализм – это риторика или дискурс, который используется для установления того, что именно представляет собой этот народ. Эта категориальная идентичность конструируется при помощи дискурса национализма»²⁸.

Британский исследователь К. Вердери обратила внимание на символическую природу нации. Значение данного символа состоит в том, что он высвобождает у индивидов целую гамму эмоций и, как любой символ, сложен и многозначен. Вердери называет нацию «базовым оператором в системе социальной классификации», «элементом политического и символическо-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования»²⁹.

Вердери объясняет национализм как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, заставляющие людей реагировать на использование этого символа»³⁰. Национализм у Вердери не является ни идеологией, ни социальным движением. По ее мнению, политические акторы так или иначе вынуждены бороться за право собственного толкования нации и тем самым становятся участниками националистического дискурса. Они ведут борьбу за этот социальный ресурс, чтобы с его помощью достичь тех или иных политических целей. «Тотальный отказ от национализма, – утверждает вслед за Вердери австралийский ученый Саймон Дюринг, – ведет к отказу от эффективного политического действия».

Данное утверждение справедливо не только для политиков, но и для исследователей. «Все возрастающее число исследований о национализме отражает его неотъемлемое, почти атмосферное присутствие в нашем мышлении», – указывает Бреннан³¹. Это значит, что каждый индивид,

мыслящий категориями нации и национальных интересов, в той или иной степени участвует в националистическом дискурсе.

В современной науке представляется невозможным дать исчерпывающее определение нации. Британский историк Х. Сетон-Уотсон указал на данную проблему вполне четко: нет «научных» способов установить, что является общим для всех наций³². Следовательно, для любого исследователя национализма размышления о собственной включенности в националистический дискурс должны носить регулярный характер.

Важный вывод сделан в статье Дж. Холла «Национализмы: классифицированные и объясненные». Автор констатирует: «Единая, универсальная теория национализма невозможна. Поскольку прошлое различно, различаться должны и наши концепции»³³. Утверждение Холла основывается на важнейшем достижении в исследовании национализма последних трех десятилетий: непрочный консенсус, достигнутый учеными, является продуктом не сходства, а различия точек зрения на причины, обусловившие формирование наций и возникновение национализма. Результатом этих расхождений явилось осмысление множественности факторов, влияющих на зарождение наций, и бесчисленного разнообразия их сочетаний в истории государств.

Существенным методологическим прорывом стало употребление понятий «национализм» и «националист» в социологической науке как оценочно нейтральных. Об этом, в частности, говорится в работе А. Миллера «Теоретические принципы изучения национализма». В советское время негативное значение этих терминов было строго зафиксировано в оппозициях «национализм (буржуазный) – патриотизм (советский)», «космополитизм – интернационализм». Типологически сходные явления получали названия в зависимости от идеологической позиции автора и социально-политического контекста.

Наконец, последний и, пожалуй, ключевой методологический вывод – необходимость ситуативного подхода к анализу националистического дискурса. Разнообразные коллизии происходят как внутри того или иного дискурса, так и между несколькими дискурсами, которые, в свою очередь, претерпевают внешнее и внутреннее воздействие. «Только выявив основные линии противостояния и системы соотношения ценностей, утверждаемых тем или иным национализмом, можно понять логику развития ситуации», – отмечает А. Миллер³⁴.

Сегодня в рамках националистического дискурса сосуществуют и соперничают различные по степени научной и практической состоятельности трактовки нации. Проблема заключается в том, какие из этих интерпретаций становятся доминирующими в том или ином государстве в определенный момент времени. В этом свете фактически сведена на нет ценность традиционных периодизаций и классификаций развития национализма, предложенных Х. Коном, Дж. Пла-

менацем и Э. Геллнером, где различные его типы имеют историко-географическую коннотацию³⁵.

В настоящее время в социальных науках утвердились два понимания националистического дискурса. Согласно одному из них, к дискурсу относят любые рассуждения, в которых присутствуют категории нации и национальных интересов. Данное понимание дискурса представляется не вполне логичным: в рамках этой интерпретации националистами оказываются даже те акторы, которые критикуют или прямо отрицают этот феномен. Согласно второму подходу, дискурс – это тип рассуждений, который прямо или косвенно связан с национализмом как идеологией: в ней нация трактуется как высшая духовная ценность и призма, сквозь которую оцениваются все социальные, политические и культурные явления общественной жизни.

В рамках второго подхода националистами называют социальных акторов, стремящихся интерпретировать национальные интересы и идею нации как символические ценности. Критерием оценки при этом становятся не субъективные идеалы исследователя, а социальная значимость тех способов реализации национального проекта, которые актор считает целесообразными. Данное понимание представляется более справедливым, поскольку служит объединяющим ядром как для всех научных теорий

национализма, так и для социальных акторов, выступающих апологетами национализма.

Поскольку попытка внедрения единого исследовательского подхода к изучению национализма, по сути, провалилась, дискурсивный подход на этом фоне показал свою эффективность не как дань научной моде, но как следствие развития социологической науки и исчерпанности традиционной методологии.

Дискурсивный подход к исследованию национализма продолжает воспроизводиться и набирать влияние в социологической науке. Современные исследователи приходят к пониманию того, что национализм – продукт деятельности социально-политических акторов, влияющих на определение границ политического сообщества и содержания политических идентичностей. Этим и объясняется научный интерес к понятию «националистический дискурс».

Lomagina A. V. The problem of nationalistic discourse in modern sociologic science.

Summary: *The notion of discourse represents a major novelty in modern theory of nationalism. Discursive approach as a key method of social investigation continues to earn indisputable authority in modern science. The article is dedicated to study of nationalism as a specific social discourse and the way of cognizing and interpreting social reality.*

Ключевые слова

Дискурсивный подход, историческое национализмовеждение, социальная реальность, дискурсивная формация, нациестроительство, социальная мобилизация.

Keywords

Discursive approach, historical nationalism study, social reality, discursive formation, nation-building, social mobilization.

Примечания

1. Рист Дж. М. Плотин: Путь к реальности // Plotinus: the Road to Reality / Пер. с англ. Е. В. Афанасьевой, И. В. Берестова. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. С. 320.
2. Дзикевич Е. А. Философско-эстетические взгляды Фомы Аквинского. М., 1986.
3. Кирсанов В. С. Научная революция XVII века. М.: Наука, 1987.
4. Там же.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Понятие просвещения // Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб, 1997. С. 16-17.
6. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С.550.
7. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Гегель как практик и теоретик образования // Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. Монография. М.: Интеллектуальная книга, Новый хронограф, 2010. С. 230-238.
8. Караулов Ю. Н., Путров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 8.
9. Там же. С. 24.
10. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990.
11. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН // Вопросы филологии. 2007. С.86–95.
12. Там же. С. 113.

13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 427–428.
  14. Там же. С. 301.
  15. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 24.
  16. Deutsch K. Nationalism and Social Communication. An Inquiry into the Foundations of Nationality 1953. 2nd ed. Cambridge, Mass. And NY: The Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology and John Wiley, 1966.
  17. Вебер М. Хозяйство и общество / Пер. с нем. Е. Ляпуновой, под ред. Н. Головина; Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehende Soziologie.- 5., rev. Aufl.- Tubingen: Mohr, 1980; Социологические исследования. 1988. №5.
  18. Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004.
  19. Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм / Под ред. Б. Андерсона, О. Бауэра, М. Гроха и др.; Пер. с англ. и нем. М.: Праксис, 2002. С. 197.
  20. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
  21. Greenfeld L. Nationalism. Five roads to Modernity. Cambridge, London, 1992. P. 20.
  22. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: 2002. С. 332.
  23. Brennan T. The National Longing for Form. In: H. Bhabha (Ed.). Nation and Narration. L., N.Y., 1990. P. 47.
  24. Calhoun C. Nationalism and Ethnicity // Annual Review of Sociology. 1993. Vol. 19. P. 211–239.
  25. Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 28.
  26. Там же. С. 51.
  27. Смирнов А. Национализм и публичная сфера. Послесловие к работе // Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 267.
  28. Verdery K. Whither "Nation" and "Nationalism"? Daedalus, Summer 1993. P. 37.
  29. Ibid. P. 38.
  30. During S. Literature - Nationalism's other? The Case for Revision. In: H.Bhabha (Ed.) Nation and Narration. L., N.Y., 1990. P. 139.
  31. Brennan T. The National Longing for Form. In: H. Bhabha (Ed.). Nation and Narration. L., N.Y., 1990. P. 48.
  32. Seton-Watson H. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and Politics of Nationalism. Boulder, Col., 1977. P. 5.
  33. Hall J. Nationalisms: Classified and Explained. "Daedalus", Summer 1993. P. 5.
  34. Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4.
  35. Kohn H. Nationalism: its Meaning and History. Princeton, N.J., 1955; Idem. The Idea of Nationalism. N.Y., 1967.
-